

особенности явлений, а значит, предназначена прежде всего для тех, кто планирует дальнейшее обучение в магистратуре.

В обоих случаях акцент перемещен на творческую инициативу студента. И в том и в другом случае предполагается как аудиторная, так и вне аудиторная работа. Принцип вариативности, используемый при обучении студентов, позволяет соответствовать новым образовательным стандартам компетентностного подхода.

Одна из основных задач: сбалансировать партнерское взаимодействие обучающим и обучаемым и индивидуальную ориентированность студента.

Этому подчинена рубрикация УМК, делящая материал на содержательно-логическую и мотивационно-эмоциональную составляющую. В частности, текст снабжен пометками: «Рекомендации к выполнению задания», «Обратите внимание», «Выбери индивидуальную исследовательскую задачу».

Большинство оригинальных подходов и постановок заданий сосредоточено в той части

УМК, которая посвящена «Индивидуальному образовательному маршруту», в которой внимание перенесено на проблемы историографии и привлечение произведений художественной литературы и кино, музейных коллекций для осмысления исторических сюжетов.

Остается признать, что рассмотренный учебно-методический комплекс может стать весьма полезным как для преподавателей, так и для студентов, изучающих историю Нового времени стран Запада.

Примечания

¹ Дронова Н. В., Земляничин В. А., Коротков С. Н., Кошелева Е. А. Новая история Запада: учебно-методический комплекс. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 11.

² Там же. С. 10.

Н. С. Креленко,
доктор исторических наук, профессор

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ЯНА КВАЧАЛЫ С ЙОЗЕФОМ ШКУЛТЕТИ

Рецензия на книгу: Libor Bernát a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Škultétym. Bratislava: Eko-konzult, 2015. 206 p.

В июне 2014 г. исполнилось 80 лет со дня кончины словацкого и российского ученого-теолога Яна Квачалы (1862–1934). Он был замечательным ученым, посвятившим всю свою жизнь изучению и преподаванию философии, богословия, истории и педагогики. Именно Квачала способствовал развитию в России и за рубежом такой отрасли науки, как комениология, которая занимается изучением жизни и творчества Яна Амоса Коменского.

Ян Квачала стал ученым с мировым именем, являлся почетным участником многих международных научных симпозиумов и конференций. Его научные труды издавались на многих европейских языках в различных российских и зарубежных журналах. Его вклад в науку как теолога и философа был весьма значительным. Им опубликованы многие новые исторические источники, особенно в сфере комениологии. На их основе современные исследователи могут развивать поднятые в свое время научные проблемы по комениологии, по гусизму, по реформации и по большому счету по педагогике.

За 25 лет, проведенных Яном Квачалой в России в Юрьевом (Дерптском) университете в качестве профессора, он во многом интегрировался в российскую научную элиту и стал ее неотъемлемой составной частью. И об этом не следует забывать и словацким исследователям в нынешние времена.

Вначале стоит сказать, что словацкая историография до недавнего времени, на мой взгляд, оставалась в долгу перед теологом и словацким национальным деятелем Яном Квачалой. После

появления в свет в 2005 г. посвященного ему сборника до сих пор так и не было специального монографического издания о нем. По инерции, как правило, он представлялся чуть ли не обрусевшим в России ученым-комениологом, оторванным от внутренней жизни Словакии того времени.

Отсюда еще с большим интересом я погрузился в изучение книги Л. Берната «Корреспонденция Яна Квачалы с Йозефом Шкултети». В его публикации вошли документы из Архива литературы и искусства Матицы Словацкой в г. Мартине, касающиеся деятельности Квачалы (на рубеже XIX–XX вв.). В публикации принял участие коллектив во главе с опытным ученым Л. Бернатом, и это его не первая работа такого плана.

Из опубликованных документов, во-первых, очевидно, что Квачала был связан не только с Чешскими землями, где вел научные проекты по Коменскому, но также активно сотрудничал со Словацкими землями и был составной частью словацкого национального движения того времени. Он всегда находился в тесной связи со своей исторической родиной, особенно с регионом Ружомберка. Квачала, за что ему честь и хвала, принимал активное участие в деятельности Словацкого музейного общества и являлся его меценатом. При поддержке Шкултети Квачала внес существенный вклад в общественно-политическую, научную и конфессиональную жизнь словацких земель рубежа XIX–XX вв. и заметно ее оживил.

В публикации содержится много нового материала о пребывании Квачалы в России и его ха-

рактеристика российских реалий. Ценные данные касаются революционных событий начала XX в. – хотя он в то время много путешествовал, но пристально следил за революционными событиями и делал важные выводы о политической обстановке.

В публикации можно выявить важные штрихи о межнациональных противоречиях в Юрьевом университете и заметных трениях с немецкой профессурой.

В публикации сказался достаточно идеализированный подход Берната к Шкултети как деятелю; его «объективность» не согласовывалась со словацкими реалиями межвоенного периода.

Переходя к отдельным недочетам в публикации, отметим следующее. Во-первых, в библиографии полностью проигнорированы русскоязычные работы по данной проблематике (см., например, Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг. СПб., 2009. С. 223–245; издание МГУ по историографии «Славянский мир: в поисках идентичности». М., 2011. С. 1110–1124; в словацком издании «Fidei et Patriae» научная работа на русском языке о Квачале «Профессор теологии Ян Квачала в свете архивных открытий в России и Словакии» автора рецензии и др.).

Встречаются досадные системные опечатки и грамматические ошибки в вкраплениях текста на русском языке (например, с. 100, 104 публикации и др.). Работе свойственна традиционная весьма завышенная оценка Й. Шкултети как словацкого национального деятеля и преданного друга Яна Квачалы. Очевидно, что Шкултети оказался под политическим давлением (в частности, Б. Павлу) в оценке Яна Квачалы как ученого, что помешало по заслугам оценить научные достижения Квачалы и продвинуть его по карьерной лестнице после возвращения его в Словакию в 1920 г. К нему приклеили «русский ярлык», и это касалось многих его начинаний в Словакии вовсе незаслуженно. Ранее непоколебимая дружба Шкултети и Квачалы тогда дала трещину.

В целом в оценке Квачалы должен рассматриваться его реальный вклад в развитие той или иной отрасли науки, а не приписываемые ему какие-то якобы негативные черты, свойственные его личному характеру. Оценка Квачалы как ученого отсюда должна быть, на мой взгляд, более объективной и более высокой. Недооценка заслуг Квачалы в Словакии отразилась на общей тональности введения к публикации, написанного самим Л. Бернатом.

Очевидно, что переписка Яна Квачалы с Й. Шкултети как с редактором многих словацких изданий носила всегда деловой и учтивый характер. Квачала стремился избежать каких-либо «острых углов» в общении со старшим коллегой, от которого зависел выход в свет его научных трудов в Словакии.

Как теолог и ученый позитивистского толка с углубленным (не консервативным!) подходом к философским и внутривнутриполитическим реалиям Квачала проявил себя скорее в переписке с другим национальным словацким деятелем – со своим почти сверстником Юром Яношко (1856–1929). Научным связям Квачалы и Яношко посвящена одна из статей Л. Берната последнего времени, размещенная на веб-сайте университета в г. Прешов. Следовало бы посоветовать Л. Бернату издать впоследствии по мере возможности научную переписку этих двух словацких деятелей, что весьма обогатило бы характеристику словацкой действительности межвоенного периода.

В целом подчеркнем, что, несмотря на отдельные недочеты, публикация Л. Берната носит весьма позитивный характер и является вкладом в развитие современной словацкой историографии.

Е. Ф. Фирсов,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории славян исторического факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова